

Фольклорный текст: структура и интерпретация

В.А. Черванёва

«Рассуждающий» повествователь в мифологическом нарративе

В статье рассматривается позиция нарратора в мифологическом рассказе как субъекта сознания. Наличие рассуждений и мотивировок в речевой партии повествователя, отличающее мифологический текст от других фольклорных жанров, связано с особенностями ситуации бытования мифологической прозы и установкой на достоверность текста. Реальная модальность мифологического рассказа обуславливает функционирование текста в рамках актуального разговорно-речевого дискурса и действие в нем тенденций, свойственных разговорной речи. Одной из таких тенденций является доминирование говорящего как субъекта знаний, мнений, оценок, что находит отражение в субъектной организации мифологического текста.

Ключевые слова: мифологический текст, нарратив, субъект повествования, коммуникативная ситуация.

Даже беглый взгляд на мифологическую прозу позволяет заметить в этих текстах обилие всякого рода рассуждений, мотивировок, обоснований описываемых событий – текстовых фрагментов, в которых рассказчик выражает результаты осмысления причинно-следственных отношений и которые, как правило, носят следы традиционных, мифологических, представлений о мире.

Распространенность мотивировок в мифологических текстах, очевидно, находится в связи и в соответствии с этиологичностью и телеологичностью мифа и самого мифологического взгляда на мир¹. Все это придает некоторый «объяснительный» характер всему мифологическому дискурсу, причем градус «объяснительности» находится в зависимости от характера восприятия говорящим

своего собеседника – как равного ему по степени вовлеченности в традицию или как «профана», которому необходимо пояснять описываемые события и явления.

Эта особенность составляет значимое отличие мифологических рассказов от традиционных эпических жанров фольклора – сказок (ср. в связи с этим замечание В.Я. Проппа: «Есть основание думать, что сказке вообще не свойственны мотивировки, сформулированные словами, и мотивировки вообще с большой долей вероятности могут считаться новообразованиями»²) и тем более от былинного эпоса со свойственным ему объективным характером изображения событий. Отмечаемая многими исследователями «объективность» народного эпоса создается, в частности, и отсутствием в речевой партии повествователя формы рассуждения при господстве композиционно-речевых форм описания и повествования, как это было установлено Е.Б. Артеменко: «“Нерассуждающий” повествователь – один из наиболее эффективных способов объективизации содержания былинного текста»³. С.Ю. Неклюдов сделал более широкое обобщение, указав, что для эпоса вообще нехарактерно изображение внутреннего мира героев, их мыслей и чувств⁴, тем более повествователь и его сознание не является объектом изображения в эпическом тексте.

В мифологических рассказах дело обстоит иначе – изложение событий осуществляется сквозь призму мнений и оценок рассказчика, и сама позиция нарратора получает в тексте развернутую репрезентацию, прежде всего личными местоимениями и грамматическими формами 1-го лица. Рассказчик является не только персонифицированным субъектом повествования, но и субъектом оценок, суждений, интерпретаций, а также часто и субъектом действия, выступая как персонаж в нарративах личного опыта. Приведем примеры (фрагменты с интерпретативным значением выделены курсивом; полужирным шрифтом отмечены слова, выполняющие роль вербального маркера нарратора)⁵.

(1)

Показалось [...] **я** то ли сидела, но, по-моему, **я** не спала ночью, среди ночи вдруг топанье, ну, вот, как снарядихи в этих башмаках, как будто много их забежало, **слышу**, што двери открылиси и такое топание, а **я думаю**: кто-то, наверно, пришел воровать, хоть бы не убили. «Эй, вы што там?» Не слышно, штобы ушли – так *удивлялась, к чему бы это*, а после неделя не прошла – **сижу** там днем, слышу, заходит кто-то, а **мне** кажеца – Костя [внук] там в этой комнате. **Я**: «Кто там пришел, проходите». **Слышу**: выходит из этой, иза горочки женщина

смотрит на меня: день холодный – она без платя и [нрзб.] ни фуфайка, ничево. **Я** на ней **смотрю**: «Проходите, проходите», – а она на **меня** смотрит, а [у нее] лицо в морщинах, ростом с **меня** [нрзб.] *Запало в голову: ну почему такой холодный день, она без платя, как будто ниоткуда не пришла.* Она постояла, поглядела на **меня**, а **я** растерялась, дак надо было спросить, чиво она показала **мне**, а **я** это ничево не спросила [нрзб.]. Наверно, **мне** смерть показала (АЛФ РГГУ, инф. ФГП, Печниково-Олехово, 1997).

(2)

А вот... ищё уш **я** то, конешно, порядошная была уже [взрослая], потому што **я** запомнила: **у нас** вот папин-то отец, когда пас, он брал лесной отпуск, и... к нему тоже то приходила тут женщина одна, вот он этот отпуск и нарушил: она сходила к нему на поскотину, ак он это, пришел домой, ак он не помнит, как и домой пришел: у него даже вся вот одежда была вся в лоскутки порвана. Такой уроган сходил на этом... в этом, в лесу, што вот так вот деревья-то к друк друшке вот так вот схлестали, ево чуть не захлестало, што это... *вот нельзя было женщине ходить на поскотину. Воше ему женщины нельзя было... ну... прикасаца к женщине [смеется]* (АЛФ РГГУ, инф. ФВМ, Лукино, 2001).

(3)

Мама рассказывала, ещо бабушка была жива. У соседки закрыли корову. Она, грит, тоже пришла к этой женщине, [которая скотину открывала]. Она говорит: «Так, мол, сделай. Возьми яйцо, только сами не ходите, а возьмите попросите. И в таком-то месте найдёте живую, здоровую». А у ней муженек: «А! Ещо будем у ково-то просить!? Сами пойдем». Ну и нашли. Такая, как колода, дерево. И бут_о специально у ней так запихано и шея свёрнута. *Это лесной хозяин не полюбил, што неправильно сделано* (АЛФ РГГУ, инф. РЛМ, Рягово-Лазаревская, 1998).

(4)

Если человек думает... вот **мама моя рассказывала**: она осталася с пятерыми – нас было пятеро на руках у нее. И **она говорит**, вот жала, жала, ну а день-то солнечный, *видать, у нее уже солнечный удар получился*, говорит: жала, жала, погляжу, а на том конце Андрей – это мой отец. Андрей, мол, грит, стоит и машет: «Иди сюда». [Она туда побежала, а там никого не было]. *Плакала, так он ей и показался* (АЛФ РГГУ, инф. КАМ, Труфаново-Кукли, 1998).

Повествовательное начало в мифологическом рассказе может быть представлено несколькими ступенями наррации – так, име-

ются тексты с одним первичным рассказчиком, с двумя – первичным и вторичным, с тремя – первичным, вторичным, третичным и т. д. В данном случае мы используем терминологию В. Шмида⁶, которую он применял для обозначения различных типов повествователей в художественном тексте (ср.: первичный нарратор – это повествователь обрамляющей истории, вторичный нарратор – повествователь вставной истории и т. д.). В устном мифологическом рассказе первичный нарратор – тот, от чьего лица ведется рассказ. Это повествователь, рассказывающий о событии, основываясь на собственных наблюдениях или на сообщении других лиц (в тексте его позиция вербализуется местоимениями и грамматическими формами 1-го лица – см. выше примеры 1–4). Вторичный нарратор – повествователь, чей рассказ о событии передается первичным нарратором (в примерах 3–4 это *мама* первичного нарратора). Таким образом, первичный повествователь всегда имеется в тексте, вторичный – только в тех текстах, где есть пересказ.

В связи с этим обращает на себя внимание одна, существенная на наш взгляд, особенность субъектной организации мифологического нарратива. Состоит она в том, что персонифицированный вторичный нарратор (тот, от кого первичный узнает о событии) практически никогда не проявляет себя в тексте как субъект сознания: он не рассуждает и не интерпретирует описываемые события. Вторичному нарратору несвойственна и функция ввода мифологической информации в форме поверья или мотивировки ритуальной инструкции – это также прерогатива нарратора первичного (см. примеры выше).

Эту особенность можно назвать скорее тенденцией, а не закономерностью, так как исключения все же встречаются, хотя и редко. Это происходит, когда первичный рассказчик цитирует вторичного нарратора и передает его интерпретацию события в форме прямой речи от 1-го лица или – гораздо реже – в форме косвенной речи. Ср.:

(5)

У нас тут на ферме, **мы** работали, **женщина** была, дак она фсё, мать ей присница, **расскажит** вот и: «*мама присница, дак вот мне фсё вот што-то како-то вот нищастье после этово вот*. Маюсь как будто я». <...> «*Как только мама приснилась, так фсё, фот уже и жду, што што-то должно случица так, какая неприятность*». И у ние вот фсё время так вот збывалось. <...> *Говорит, как она, как придупреждает миня* (АЛФ РГГУ, инф. МЛИ, Лепша–Ступино, 2007).

(6)

У [моей сестры] девочка-то когда погибла, фсё предвещало. Стучало в доме, трещали углы, стены даже. Она [сестра] в детском саду работала, делала отчёт ночью тоже. И, **говорит**, это в стену прямо стучало. Вся стена прямо втреснет. И углы трещали, и половицы скрипели, и страшно в доме вообще. А потом погибла Люда-то и перестало всё разом и стучать, и трещать и фсё вообще. Ей [сестре] сон снился, што у нее из дома выпадают передняя стена, и видела окно и белую занавеску на окне. И видела, што у дома эта стена прямо выгнулась наружу. И **она, говорит**, проснулась, *так мне мерзко было, но я подумала, што бабушка старая, бабушка наверно умрёт*. А **говорит**, не дошло-то, што *белая занавесь, выпадает стена из дома, значит кто-то уходит, а белая занавесь – невин_ое, так вот дитя-то и было невин_ое*. [У девочки] и почерк изменился перед смертью. И голос пропал в тот день, когда она погибла. Как они были обе дома с утра и обеим было как-то тяжело. И она [девочка], **говорит**, просила **меня**: «Мама, открой окно. Душно» – **говорит**. [нрзб.] И она прямо как пост соблюдала девочка (АЛФ РГГУ, инф. БЛВ, Рягово-Лазаревская, 1998).

(7)

Тоже такой случай был – что **я** вот охотился – он охотник был, охотился, **говорит**, там на болоте тоже огонек расклат, **говорит**, сижу, ночью уж, **говорит**, на ночную охоту ходил, дак ночью сижу у огонька. Вдруг, **говорит**, такой вот тоже шум сделался, и, **говорит**, как у меня огонек так одной минуты всё раскидало, весь огонек и ни одной головешки даже нету. Так еще сам-то, **говорит**, я стал молитву, он **говорит**, стал молитву, а надо кричать: «Налево, налево», – надо, **говорит**, говорить: «Налево, налево». И он **говорит**, это, в сторону, **я, говорит**, *вишь на евоинной тропинке расклат огонек*. [Лесной как вихрь показывается?] Да, лесной, лесной, **говорит** (АЛФ РГГУ, инф. ПЗА, Лядины – Дьяково, 1997).

(8)

Пастух как-то с ним договаривается [с лесным]. **Я** вот **слыхала**, тут пастух был, он умер, давно, до войны еще умер. Вот надо было как-то два яйца в лес бросить, а он йих не так бросил, как-то надо было назад бросить ли как, вот он **рассказывал**: ну, *я не так яйца бросил, мне мятку и дало в лесу – намял кто-то ево, пообижал* (АЛФ РГГУ, инф. СОА, Бор-Давыдово, 1996).

Как правило, такие «цитатные» интерпретации не являются единственными, а сочетаются с оценочными суждениями первич-

ного нарратора (см. в примерах № 6, 8 – эти фрагменты выделены курсивом и подчеркиванием), да и вообще встречаются относительно редко. Так, в корпусе из 694 текстов вторичный персонафицированный нарратор в роли интерпретатора отмечен только в 17 примерах (при том, что всего в корпусе 217 текстов с вторичной степенью наррации и 13 текстов с третичным нарратором).

Для выяснения вопроса о причинах описанного явления – экспансии первичного нарратора как субъекта интерпретаций – обратимся к исследованиям в области нарративной лингвистики, в частности к работам Е.В. Падучевой. Она установила, что язык нарратива отличается от разговорного прежде всего «коммуникативной ситуацией, в которой происходит передача сообщения от одного субъекта к другому»⁷. Разговорная речь реализуется в так называемой канонической речевой ситуации, для которой характерен непосредственный контакт говорящего с конкретно-референтным адресатом – пребывание говорящих в одно время в одном месте в зоне взаимной видимости⁸. Кроме того, Е.В. Падучева выделила еще одно, так называемое «нулевое», условие канонической ситуации – это совпадение мира текста (изображаемого) и мира ситуации его репрезентации. В ситуации нарратива не соблюдаются указанные условия каноничности, и это дало возможность исследовательнице дать емкую характеристику лингвистики нарратива как «лингвистики неполноценных коммуникативных ситуаций»⁹.

Заметим, что в ситуации бытования фольклорного текста имеется своя специфика. Фольклорный нарратив всегда воспроизводится в устной форме в условиях, когда говорящий и адресат находятся в одном времени и пространстве. Однако в сказках, былинах и других жанрах так называемого «классического» фольклора не наблюдается «нулевого» условия канонической речевой ситуации – тождества мира текста и мира коммуникативной ситуации, в которой этот текст произносится. Так, в сказочном тексте конструируется особый художественный мир, и говорящий и адресат сознают условность и вымышленность этого мира и его несовпадение с миром реальным. При этом «всезнающий» повествователь стоит за пределами сказочного мира и не проявляет себя на вербальном уровне (не считая стилистических обрамлений в виде присказок, всегда находящихся за пределами собственно сказочного нарратива).

Бытование же мифологической прозы происходит в условиях канонической коммуникативной ситуации, которая наблюдается здесь в чистом виде – благодаря устной форме экспликации и установке на достоверность текста. В мифологическом тексте нет «другой», художественной реальности, мир текста изображается

в реальной модальной рамке – это мир самих коммуникантов. И именно реальная модальность мифологического рассказа обуславливает включение говорящего в текст, функционирование текста в рамках актуального разговорно-речевого дискурса.

Очевидно, именно с каноническим характером ситуации бытования мифологических рассказов и связана доминирующая роль в них первичного повествователя в качестве субъекта суждений и интерпретаций. Поясним, что имеется в виду.

Благодаря исследованиям в сфере семантики и прагматики установлено, что в каноническом контексте подразумеваемым субъектом сознания, т. е. знания, мнения, оценки, интерпретации и номинации, является сам говорящий¹⁰. Таким образом, естественно, что в мифологическом тексте субъектом интерпретаций является тот субъект, от лица которого ведется повествование.

В повседневной разговорной речи, в ситуации экспликации разговорного нарратива, наблюдается сходное явление: именно говорящий, т. е. первичный нарратор, выступает субъектом суждений. М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, описывая рассказ как один из ведущих жанров фатического общения, указали на существование двух типов текстов в зависимости от позиции говорящего по отношению к событийному содержанию нарратива – рассказ «о своем» и рассказ «о чужом»¹¹. При этом в рассказах «о чужом», хотя предмет повествования и не совпадает с адресантом, говорящий всегда, о чем бы он ни рассказывал, «все пропускает через себя, обнаруживая даже в самом “объективном” повествовании свою позицию, систему оценок, мотиваций, свое восприятие окружающего мира»¹². На этой основе исследователи делают более широкое обобщение, говоря, что «в условиях непринужденного непосредственного общения проявление личной позиции рассказчика является своего рода “нормой”»¹³. Отмеченная «нормативность» представляется нам следствием каноничности ситуации произнесения разговорного монолога, будь это нарратив личного опыта или же рассказ «о чужом».

Таким образом, фигура «рассуждающего» рассказчика в мифологическом нарративе является прямой проекцией и следствием субъектной организации текста, характерной для канонической речевой ситуации, – с говорящим как центром координат текста. Такая организация текста возникает на пересечении общеязыковых закономерностей и собственно фольклорных тенденций и, видимо, объясняется пограничным положением мифологической прозы – на стыке традиционной словесности и повседневной коммуникации.

- ¹ Об указанных особенностях мифологического мышления см.: *Неклюдов С.Ю.* Структура и функция мифа // Современная российская мифология / Сост. М.В. Ахметова. М.: РГГУ, 2005. С. 9–26.
- ² *Протт В.Я.* Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. С. 84.
- ³ *Артеменко Е.Б.* К проблеме повествователя и его языковой репрезентации в фольклоре: На материале былинного эпоса // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 11. Воронеж, 1998. С. 194.
- ⁴ *Неклюдов С.Ю.* Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. С. 168.
- ⁵ Основной эмпирической базой исследования является архив Лаборатории фольклористики РГГУ (АЛФ РГГУ) – материалом для изучения послужили записи мифологических рассказов, извлеченные из интервью (для анализа отобраны тексты с обязательным наличием повествовательного компонента – всего 694 нарративных фрагмента). Примеры из АЛФ РГГУ приводятся с указанием информанта, года и места записи, орфография источника сохраняется.
- ⁶ *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 45.
- ⁷ *Падучева Е.В.* В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН: Серия литературы и языка. Т. 54. № 3. 1995. С. 41.
- ⁸ *Падучева Е.В.* В.В. Виноградов и наука о языке... С. 43; *Она же.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. С. 259.
- ⁹ *Падучева Е.В.* В.В. Виноградов и наука о языке... С. 41.
- ¹⁰ *Апресян Ю.Д.* Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 5–22; *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. С. 141; *Она же.* Семантические исследования... С. 281; *Она же.* Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 9.
- ¹¹ *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. С. 47–49.
- ¹² Там же. С. 48.
- ¹³ Там же.